

Рашит Янгиров

БЕРЛИНСКИЕ ЗАБАВЫ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

О берлинском периоде жизни молодого Владимира Набокова, взявшего литературный псевдоним Сирин, осталось немало красочных легенд. Одна из них, пожалуй, самая экзотичная, но по сию пору остающаяся неподтвержденной, сообщает о том, что будущий писатель, спасаясь от нужды, подобно многим соотечественникам, участвовал в киносъемках в качестве статиста. Возможно, что так оно и было, но не подлежит сомнению, что его влекли куда более интеллектуальные занятия, к которым он обратился еще в начале 1920-х годов.

Одним из самых излюбленных на какой-то период стали, например, шахматы. Этой игре он отдал немало часов, а то и бессонных ночей, порой – в ущерб литературным занятиям. Получив в юности первые уроки анализа и композиции от отца, он всерьез заинтересовался шахматами, причем его амбиции одно время были столь серьезны, что соперничали со стихотворством. Как указывает биограф, в апреле 1926 Сирин с огромным увлечением и азартом разыгрывал партии с будущим чемпионом мира А. Алехиным, а однажды участвовал в сеансе одновременной игры с основателем и пропагандистом школы современных шахмат Б. Нимцовым, установленном в берлинском кафе "Эквитабль". В одной из партий ему удалось выстоять против гроссмейстера целых четыре с половиной часа, а в другой он чуть было не добился его поражения.¹

То, что не давалось опытом практической игры, поклонник Каиссы компенсировал воображаемыми схватками в шахматных композициях, в которых аналитическое и стратегическое превосходство составителя по определению не могло иметь равного соперника. По отзыву благоволившего к нему редактора газеты *Руль*, Сирин выдавался умением составлять весьма остроумные шахматные задачи,² конструктивный смысл которых состоял "не просто в том, чтобы поставить мат" в столько-то ходов, а в том, чтобы путем так называемого "ретроградного анализа", то есть анализируя в обратном порядке сделанные ходы, доказать, что черные не могли свой последний ход сделать ладьей или должны были последним ходом взять пешку белых (из авторского предисловия к английскому изданию романа "Защита Лужина"; 1963).

В этом же тексте писатель объяснил англоязычному читателю, что "вся последовательность ходов" в романе "напоминает – или должна напоминать" именно этот тип шахматной задачи и что это совпадение приема литературной композиции с личным опытом игровой комбинаторики кажется неслучайным. "Мою историю нелегко было сочинить, – признался писатель, – но я испытывал огромную радость, придумывая тот или иной образ или сцену, вплетая фатальный узор в жизнь Лужина и придавая описанию сада, путешествия, череды мелких событий подобие искусственной игры и, особенно в финальных главах, подобие неумолимой шахматной атаки, разрушающей сокровенные элементы психического здоровья бедняги".³ Однако писатель явственно отрицал правомерность любых параллелей между собой и героем, отмеченного "грубостью его серой плоти и бесплодностью его темного гения":

[...] маленький фрейдист, принимающий комплект шахматных фигур за ключ к роману, без сомнения, будет отождествлять мои характеры со своим примитивным представлением о моих [...] собственных множественных "я".

В этих отрицаниях можно усомниться, помня о множестве рассыпанных по страницам романа явно не выдуманных деталей ("Ночи были какие-то ухабистые. Никак нельзя было себя заставить не думать о шахматах, хотя клонило ко сну, а потом сон никак не мог войти к нему в мозг, искал лазейки, но у каждого входа стоял шахматный часовой, и это было ужасно мучительное чувство [...]." Или "Я испытываю стеснение в капиталах, – сказал Лужин. – Я бы совсем немного брал. И мне предлагали вести шахматный отдел в одном журнале" и т.д.).

Некоторые из шахматных задач, составленных Сирином, стали известны читателю после публикаций в газете *Руль*.⁴ Непременное указание в них авторства свидетельствует о том, сколь серьезно он относился к этим публикациям. Но как далеко от литературы уводили его эти игры ума? Одна из публикаций наглядно демонстрирует их нерасторжимость. Напечатав однажды задачу "Белые берут назад свой последний ход и вместо него делают мат", автор предварил ее известными "Шахматными сонетами":

В ходах ладьи – ямбический размер,
в ходах слона – анапест.
Полутанец, полурастчет – вот шахматы.
[...] И вот толкнул ногтями цвета йода
фигуру. Так! Он жертвует слоном:
волшебный шах и мат в четыре хода.

Движенья рифм и танцовщиц крылатых
есть в шахматной задаче. Посмотри:
тут белых семь, а черных только три
на световых и сумрачных квадратах.
[...] Но фея рифм – на шахматной доске
является, отблескивая в лаке,
и – легкая – взлетает на доске.

Я не писал законного сонета,
хоть в тополях не спали соловьи, –
но трогая то пешки, то ладьи,
придумывал задачу до рассвета.
И заключил в узор ее ответа
всю нашу ночь, все возгласы твои,
и тень ветвей, и яркие струи
текучих звезд и мастерство поэта.
Я думаю, [...]
увидят все, – что льется лунный свет;
что я люблю восторженно и ясно;
что на доске оставил я сонет.⁵

Реконструируя "портрет художника в юности" и постоянно напоминая о бедности своего героя и его фатальной зависимости от газетной поденщины, биограф Набокова подчас следует мнимым подсказкам в текстах писателя, что рождает порой беспочвенные догадки. Сообщая, например, о сотрудничестве Сирина в еженедельнике *Наш мир*, он отмечает: "В нем Сирин будет участвовать стихами, загадками, кроссвордами и, возможно (выделено мною – Р.Я.), неподписанными анаграммами, логогрифами и метаграммами."⁶

Раздел загадок, шарад и прочих умственных развлечений в этом издании и в самом деле был весьма обширен, однако участие в нем Набокова вызывает большие сомнения. Первое из них имеет сугубо меркантильную подкладку: подобного рода продукция нигде и никогда не оплачивалась столь хорошо, чтобы ею мог увлечься такой амбициозный, хотя и безусловно нуждающийся автор, как В. Сирин. Зная, к тому же, его отношение к печатному слову и к собственной литературной репутации, вряд ли можно заподозрить его в малодушном желании скрыть свое авторство в публикации только лишь ради мизерного заработка. Все известные его выступления этого периода в печати демонстрируют обратное. Есть, наконец, и самый убедительный аргумент: чудом сохранившийся редакционный экземпляр одного из номеров ежегодника содержит гонорарную разметку с указанием авторов всех публикаций. Интересующий нас раздел отмечен фамилией Dawidova. Идентифицировать этого персонажа не

представляется возможным, но, очевидно, что к Сирину он не имеет никакого отношения.⁷

Из всех интеллектуальных забав, сопровождавших жизнь молодого писателя в Берлине, с полной уверенностью можно указать лишь на увлечение кроссвордами, не оставлявшее Сирина на протяжении нескольких лет. Именно ему приписывается изобретение и популяризация русского термина *крестословица* – несомненно, самого удачного и наиболее адекватного английскому оригиналу. Однако, вопрос об авторстве этого неологизма не столь очевиден, как кажется.

В феврале 1925 все в том же берлинском еженедельнике *Наш мир* была опубликована заметка, маркировавшая экспансию западной мысли в интересующую нас область словарной комбинаторики. Нескрываемая авторская ирония в отношении новейшего интеллектуального увлечения американцев сопровождалась введением нового жанрового термина и это делает текст небезынтересным для воспроизведения (мы сохраняем его оригинальную орфографию иностранных словесных калек):

Америка охвачена волной нового безумия.

Заброшены танцевальные турниры на продолжительность, бездействуют сто миллионов радиоаппаратов (по одному на каждого гражданина Соединенных Штатов), отчеты о матчах "безболла" просматриваются невнимательно.

Зато все американцы решают "крестословицы". Президент республики в промежутке между двумя докладами, члены конгресса во время заседания, студенты в аудиториях, конторщики в банках, пассажиры скорых поездов. Золотоискатели в Аляске и ковбои в прериях Техаса.

В сущности говоря, ничего нового "крестословицы" не представляют. Они бывали еще в покойной *Ниве*, их называли еще "магическими квадратами" – тогда только они были не столь сложны. Теперь в одном квадрате бывает по нескольку сот слов. И в Америке такие загадки печатались буквально десятилетиями на страницах самых захолустных газет, где-нибудь в Небраске или Висконсине. Никто не обращал на них внимания. Но вот вдруг... Это было 18-го апреля 1924 года. В этот день вышла книга *Первый сборник крестословиц*. К концу прошлого года книга выдержала три издания и разошлась в количестве 500 000 экземпляров. С тех пор и пошло. Мания решать крестословицы овладела умами всех граждан Америки. Из всей печати лишь одна ультраконсервативная *New York Times* отказалась помещать крестословицы, остальные газеты уделяют им целые полосы. В редакциях спешно увеличены штаты и специальные люди работают по 12 часов в сутки, изобретая новые и новые крестословицы.

Все гонятся за редкими словами, и торговцы словарями делают прекрасные дела. Появились уже специальные словари для кре-

стословиц, где слова распределены по значениям. Там имеются также отдельы: "греческие герои", "битвы", "вымершие пресмыкающиеся", "города Китая" и т.д.

Незнакомые люди останавливают друг друга на улице и спрашивают:

– Математический термин, начинается на "т" и имеет шесть букв?

– Не знаете ли случайно, как в древнем Риме назывались носки сандалий у солдат?

Железные дороги и рестораны на меню печатают "крестословицы" – тут же стоят шкафчики со словарями. В Питтсбурге пастор выставил в церкви доску с "крестословицей" и предложил пастве решить ее до начала проповеди. В целом ряде школ "крестословицы" служат пособием к изучению английского языка. В Детройте санитарный комиссар предложил "крестословицу", при решении которой должны были получиться правила гигиены и назначил для школьников премии.

На днях между двумя лучшими университетами Америки – Иллем и Гарвардом состоялось состязание на решение "крестословиц" – в нем приняли участие не студенты, а лишь окончившие и имеющие учёные степени. Состязание происходило в актовом зале и входная плата равнялась двумдолларам. Билеты были распроданы в течение часа.⁸

В списке набоковских псевдонимов *Bystander*, подписьавший процитированную заметку, не значится, хотя, казалось бы, этимология этой маски дает основания для авторизации. Однако другие известные нам случаи печатной практики демонстрируют неизменную верность Набокова общеизвестному псевдониму.⁹ К тому же, первые публичные опыты В. Сирина в составлении кроссвордов (хронологически не первые в ряду других анонимных опытов) демонстрируют его терминологический консерватизм,¹⁰ преодоленный лишь в последующие годы.

Достаточно важной для уяснения этого феномена массовой культуры эмиграции представляется возможность датировать ее выход к потребителю. По свидетельству современника, едва ли не ставшего конкурентом В. Сирина в этом увлечении,

25-й год был ознаменован в Париже тремя маниаками: игрой в перекрестные слова ("мо круазе"), газетными анкетами и жеванием смолки [жевательной резинки – Р.Я.]

Увлечение "крестословицами" было воистину стихийным. В любом вагоне метро, в каждом трамвае и омнибусе вы могли наблюдать молодых людей обоего пола с разграфленным в клеточку картоном на коленях, со словарем Ларусса под мышкой. Психиатрическая статистика отметила десятки случаев помешательства на почве разыскивании самых диковинных слов.

Тристан Бернар – обладатель самого острого юмора, самой толстой фигуры и самой роскошной бороды в Париже – издал целую солидную книжку загадок на перекрестные слова. Наш талантливый собрат П.П. Потемкин собирается приступить к изданию ежедневного журнала, посвященного тому же полезному развлечению. Ваш покорный слуга, отдав самую короткую дань этому поветрию, пришел к убеждению, что множество коренных русских слов выпало из эмигрантского словаря, а подрастающее поколение не знает из них и десятой части. Такие, например, простые слова: как чичер, елань, обрат, чуж, суровец, полтрята, емкий, сноха, деверь, шурин, затор, прясли, заструха и т.п. оказались совершенно никому неизвестными [...].¹¹

Вопрос о распространении этой игры (равно как и самого неологизма "крестословица") в зарубежной России представляется частным, но весьма примечательным эпизодом общей культурно-исторической проблемы – борьбы идейной части эмигрантов за чистоту родного языка.

Линии разделения в этом многолетнем "споре славян между собою" были весьма произвольны, а их частные последствия практически невосстановимы. Безусловно, пафос академических, но весьма темпераментных полемик вокруг старой и новой орфографии или эмигрантского "новоязия" отражал те или иные идеологические императивы, демонстрирующие "непримиримость", "соглашательство" или неисправимый "консерватизм" оппонировавших друг другу сторон. Столь же очевидно, что идейные разногласия были лишь фоном литературной борьбы, которая неизбежно переходила в область личных отношений ее участников. Кажется, случай с "крестословицами" спровоцировал конфликт именно такого рода.

Спустя несколько месяцев после появления заметки *Bystander'a* о крестословицах в берлинском еженедельнике это название было заимствовано парижской прессой: в июне 1925 свежеспеченная газета *Возрождение* опубликовала первую из них.¹² Русская "транслитерация" игры неизбежно должна была привлечь к себе внимание литературного полемиста. Неутомимый Сизиф, под маской которого катил камень газетной поденщины Г. Адамович,¹³ до тех пор обычно комментировавший в своих "Откликах" события культурной жизни Франции, неожиданно обратился к языку и стилю русской зарубежной прессы. Объектами его пристрастного интереса стали, естественно, парижские издания "правого" направления, перед этим позволившие себе ряд нелестных публикаций в адрес П.Н. Милюкова и его газетных предприятий.¹⁴

Объектами своей рефлексии Сизиф избрал газетные маргиналии:

[...] *Русское время* должно ведь и писать по-русски? [...] Нельзя ли чем-нибудь заменить смехотворное "крутить"?¹⁵ Конеч-

но, это дословный перевод слова *tourner*, но не всегда рабская дословность уместна. Да и с точки зрения дословности тут не все благополучно. Тоунгер значит не только крутить, но и крутиться. [...] Затем, не лучше ли говорить "фильма", чем "фильм" в мужском роде, как это повелось в последнее время? Русский язык привык к словам на "льма", "тьма" и т.д. женского рода. Окончание же "льм" – ему чуждо. Кроме того, "фильма" в женском роде удобнее, потому что и другие обозначения того же понятия таковы: лента, картина. В разговорном языке эти слова употребляются так же часто, как и "фильма", и к мужскому роду надо вновь приучать сознание.

Обсуждая галлицизмы в печатном лексиконе оппонентов, Сизиф объединил их с лексиконом "патриотического" словаря:

Русское время пишет "метерансцен".¹⁶ *Возрождение* впало в другую крайность и вместо *mois croises* пишет "крестословица". Неудачное изобретение! Едва ли можно сомневаться, что его ждет судьба "мокроступов" или "летокруч", когда-то настойчиво употреблявшихся *Новым временем* для обозначения аэроплана.¹⁷

На первый взгляд, Г. Адамович иронизировал лишь над "почвенным" пафосом обсуждаемых изданий, возвращая их к достопамятному бывшим петербуржцам суворинскому прототипу.¹⁸ Но за первым же из припомненных "крестословице" лексических аналогов стояла несомненная литературная коннотация – "пародическая личность" поэта А.С. Шишкова. Адресованная, в первую очередь, газете *Возрождение*, а точнее – ее редактору П.Б. Струве, первым в русском Париже занимавшемуся печатной популяризацией игры,¹⁹ эта язвительная стрела, возможно, метила и в более дальний объект. Предполагая хорошее знание критиком берлинской периодики и круга ее авторов, можно думать, что ему были ведомы настоящее имя *Bystander'a* и первый составитель "крестословиц" в газете *Руль*. Таким лаконичным приемом Г. Адамович, можно думать, пытался, дезавуировать не столько увлечение В. Сириной игрой в слова (напомним, что его первые кроссворды публиковались под названием "загадка перекрестных слов"), но его поэтическое творчество, к тому времени хорошо известное и признанное за пределами русского Берлина. Эта, походя оброненная "шпилька" вряд ли была забыта Набоковым. Не в том же ли 1925 и родилась его стойкая нелюбовь к именитому критику?²⁰

Предположив, что уничижительный "Отклик" Сизифа дошел до адресата, можно реконструировать семантику литературной мистификации, предпринятой Набоковым четырнадцать лет спустя, при публикации стихотворений в журнале *Современные записки* под псевдонимом Василий

Шишков. Как известно, на эту публикацию Адамович отозвался восторженным отзывом о явлении нового крупного поэта, после чего последовало саморазоблачение автора. Был ли это акт запоздалого отмщения? А если так, то сумел ли литературный критик адекватно оценить эту мистификацию?²¹

Возвращаясь к крестословицам, укажем, что пессимистическое предсказание Адамовича о скором исчезновении этого неологизма не сбылось. Едва появившись на свет, он прочно вошел в обиход эмиграции, а в наши дни он, кажется, укореняется и в метрополии. Нам неведома реакция критика на появление рубрики с этим названием на страницах "его" газеты *Последние новости* в 1928, подхваченное, по-видимому, после временного прекращения аналогичной рубрики в конкурирующем *Возрождении*. Но, ему ничего не оставалось, как смириться еще с одним своим несбычившимся пророчеством. Между тем, рубрика, получившая заглавие "Крестословица Мастера Агриппы", закрепилась в этом издании и, видимо, к удовольствию читателей благополучно просуществовала до закрытия газеты в июне 1940.

Дальнейшее распространение феномена крестословиц, происходившее в русле жанровой эволюции русской эмигранской периодики, обнаруживает, между прочим, общую закономерность. Впервые появившись на страницах берлинских изданий, кроссворды носили традиционные, давно знакомые читателю названия – "магический квадарт", "вдоль и поперек", "перекрестная шарда" или "загадка перекрестных слов". К 1931 в них, отчасти благодаря набоковским публикациям, окончательно утвердились указанное новообразование. К тому времени к публикации кроссвордов обратились и парижские издания, до тех пор игнорировавшие эту забаву. При этом и в них какое-то время присутствовал терминологический плюрализм. Самый популярный в эмиграции еженедельник *Иллюстрированная Россия*, например, в 1931 обозначал свой раздел сразу тремя определениями: "Mots croises – Перекрестные слова – Крестословица". В конце концов, еженедельные публикации "крестословиц" на страницах самых влиятельных изданий – *Последние новости* и *Возрождение* – положили конец этой чересполосице и придали этому термину статус общей нормы.

Вопреки возможным ожиданиям, набоковские опыты крестословиц, будучи суррогатами литературных текстов, не несут меток авторской индивидуальности. Не отмечены они и формальной изощренностью или особым богатством словаря. Среди вопросов не найти и берлинских реалий; составитель скорее был склонен направить интеллектуальные усилия читателя к реалиям былого Петербурга или внутренне близких ему Франции и Англии. Но этому, возможно, есть pragматическое объяснение – лекси-

чески немецкие слова и названия не вписывались в вынужденно ограниченную геометрию набоковских головоломок.

Итак, это была всего лишь забава дилетанта, не слишком озабоченного соблюдением жанровых канонов, формальных ограничений, а порой и правил орфографии: два горизонтально: "некрасивый в родительном падеже" – "урода" (Крестословица № 1 – Руль, 21 июня 1931); "Мягкий знак опущен; "и" считается за "ы" (Крестословица № 3 – там же, 12 июля 1931); и т.п. Но нельзя исключить и то, что пренебрежение к принятым комбинационным приемам, если о них вообще уместно говорить, было обусловлено авторским подражанием английским оригиналам. Так или иначе, но именно эти, не без юмора подобранные несообразности, возможно, и придают своеобразное очарование этим вербальным комбинациям: пять горизонтально: "любимое слово лакеев" – "да-с" (Крестословица № 1); восемь горизонтально: "презрительная кличка человека" – "супчик"; тринадцать вертикально: "неприятный звук" – "ик" (Крестословица № 4 – Там же, 26 июля 1931); семь горизонтально: "бывает во всяком культурном городе" – "водопровод" (Крестословица № 6 – Там же, 2 августа 1931); пять горизонтально: "обращение к любимой женщине" – "дуся" (Крестословица № 7 – там же, 9 августа 1931) и т.п.

Увлечение крестословицами дает основания для достаточно неожиданной и, возможно, не вполне лестной для их автора литературной коннотации, отсылающей к одному из персонажей романа Ильфа и Петрова "Золотой теленок" – ребуснику-неудачнику Синицкому. Внешние и смысловые сходства между реальным и вымыщленным сочинителями интеллектуальных забав в самом деле поразительны. Несмотря на разницу в возрасте, личностные характеристики двух работников "мозговой извилины" семиотически идентичны. К тому же, старый ребусник имел "наружность гнома", который к тому же был и постоянным образом поэзии и прозы В. Сирина в 1920-е годы. Тождественно – при внешне полярной семантике – и направление логики ("А третий слог, досуг имея, узнает всяк фамилию еврея"; ср. с: девять горизонтально: "фамилия большевика (родительный падеж)" – "Каца" (Крестословица № 2). Те из задач В. Сирина, что отражают политическую злобу дня (семь горизонтально: "определенное учреждение" – "ГПУ"; четырнадцать вертикально: "что сделают большевики" – "исчезнут"),²² вполне корреспондируют идеологическим установкам "шарацоидов" и "логорифов" Синицкого и могут быть откомментированы репликой из романа: "Идеология засела, [...] а какая в ребусном деле может быть идеология?"

Труд ребусника неблагодарен и не заслуживает ничего иного, кроме забвения, но в этих непрятязательных забавах, возможно, кроется разгад-

ка одной из литературных тайн Набокова, подобная той косточке персика, который он однажды сорвал "в своем обнесенном стенами саду".

В заключение укажем, что последние опыты В. Сирина в жанре крестословиц относились к июню-сентябрю 1931. Они еженедельно печатались на страницах газеты *Руль* и хронологически предшествовали закрытию этого издания в октябре того же года. Других попыток возвращения к жанру "крестословиц" писатель впоследствии не предпринимал.

П р и м е ч а н и я

- 1 Boyd Bryan, *Vladimir Nabokov. The Russian Years*, Princeton, 1991, 259.
- 2 Гессен, И. *Годы изгнания. Жизненный отчет*, Париж, 1979, 97.
- 3 Шахматный компонент набоковской поэтики проницательно отметил Г. Струве в 1930. – *Русская литература в изгнании*, 2-е изд. Париж, 1984, 285–286.
- 4 Первые шахматные задачи Сирина были напечатаны в газете *Руль* 20 и 24 мая 1923. – Boyd, Op. cit., 205, 558. О шахматной теме в творчестве писателя см. специальное исследование: Janet K. Gezari, "Roman et probleme chez Nabokov", *Poétique* 5, 1974.
- 5 *Наш мир*. Иллюстрированное воскр[есное] приложение к *Рулю*, Берлин, 30 ноября 1924. На страницах этого издания был опубликован ряд поэтических и прозаических текстов В. Сирина: "Все чаще, все короче, все звучней..." (11 мая 1924); "Русская река" (14 сентября 1924); "Рождественские стихи: Волчонок. Овца" (4 января 1925). Общепринятая датировка поэтических публикаций, включая шахматные сонеты, представляется нам не вполне корректной. См.: D. Barton Johnson with Wayne C. Wilson, "Alphabetic & Chronological Lists of Nabokov's Poetry", *Russian Literature Triquarterly* 24, 1991.
- 6 Boyd, Op. cit., 228.
- 7 *Наш мир*, 20 апреля 1924. – Указанный экземпляр отложился в библиотечном комплекте Русского Заграничного Исторического архива (Прага) и хранится ныне в Научной библиотеке Государственного Архива Российской Федерации (Москва). Следует добавить, что этот номер журнала открывается рассказом "Ветер" болгарского писателя Н. Раинова, переводчиком которого указан В.С. Эти инициалы принадлежат Вере Слоним – будущей жене Набокова.
- 8 Bystander, "Крестословицы", *Наш мир*, 22 февраля 1925. На той же странице помещен анонимный этюд под названием "Перекрестная шарада". См. также другие публикации под этим же псевдонимом: "Без по-

литики", *Руль*, Берлин, 24 ноября 1921. "Без политики", *Наш мир*, 6 апреля 1924; "Конференция", *Руль*, 14 июня 1925 и др.

⁹ Один из примеров – крохотная заметка об одном из берлинских приятелей писателя, не учтенная, кажется, биографами: Сирин В. "И.А. Матусевич как художник", *Руль*, 6 мая 1931.

¹⁰ Первый опыт этого рода, появившийся в газете *Руль* четыре дня спустя после свадьбы с В. Слоним, – не был ли он приурочен к годовщине американского феномена, упомянутого в цитированной заметке "Крестословицы"? См.: "Загадка перекрестных слов", Сост. В. Сирин, *Руль*, 19 апреля 1925. См. также: Boyd, Op. cit., 241.

¹¹ Куприн, А. "На 1926 год", *Русское время*, Париж, 7 января 1926.

¹² Выпуск "органа русской национальной мысли", газеты *Возрождение*, начался 3 июня 1925. Уже в № 12, вышедшем 14 июня, была опубликована первая "Крестословица".

¹³ См.: Hagglund, R. *A Vision of Unity: Adamovich in Exile*, Ann Arbor, 1985, 15. Отметим приверженность Г. Адамовича избранным авторским рубрикам: после преобразования газеты *Звено* в одноименный журнал (1925) его "Отклики" переместились в газету *Последние новости*, а "Литературные беседы" из ежемесячника *Звено*, закрытого в 1928, перешли в еженедельник *Иллюстрированная Россия*.

¹⁴ Помимо газеты *Последние новости*, к ним относилось и еженедельное литературно-политическое издание *Звено*, выходившее в то время в газетном формате.

¹⁵ Устойчивая эмигрантская калька, означавшая кинематографические съемки.

¹⁶ Театральный режиссер-постановщик (франц.). Возможно критик имел в виду А.И. Куприна, употреблявшего этот термин в кинорецензиях. См.: Куприн, А. "Прелестный принц", *Русская газета*, Париж, 22 февраля 1925; Он же, "У художников. III. Б.А. Старевич", *Русское время*, Париж, 24 марта 1926.

¹⁷ Сизиф [Адамович, Г.], "Отклики", *Звено*, Париж, 7 сентября 1925.

¹⁸ В первый год издания газета *Русское время* выходила при соредакторстве Б.А. Суворина, сына известного газетного деятеля.

¹⁹ Составителем первой крестословицы в газете *Возрождение* была поэтесса и литературный критик А. Горская (наст. фам. А.А. Гривцова). О ней см. в кн.: Струве, Г. *Русская литература в изгнании*, Париж – М., 1996, 301.

Еженедельная публикация игры в рамках "конкурса крестословиц" читателей продолжалась с небольшими перерывами все годы издания газеты. С начала 1930-х годов эта рубрика получила постоянный заголовок и авторство: "Крестословица Коко и Вово".

²⁰ Ср. емкое по негативному заряду прозвище "Содомович", данное Набоковым, и его же поэтические сатиры в адрес "Адамовой головы" (1931), которые получили самое широкое хождение в русском Париже.
— Boyd, Op. cit., 370.

²¹ См.: Boyd, Op. cit., 509–510. Предложенные Бойдом "ботаническая" семантика псевдонима, которая, по его мнению, корреспондирует с именем героя В. Ходасевича Василия Травникова, и этимология слова "шиш" в сочетании с девичьей фамилией пра-прабабушки Набокова кажутся нам менее убедительными. Об отношении Адамовича к поэзии Набокова и публикации стихотворений Василия Шишкова см. также: Шаховская, З. В поисках Набокова. *Отражения*, М., 1991, 254.

²² Руль, 19 апреля 1925.

* * *

Эта статья представляет собою соединение и новую редакцию двух публикаций в *НЛО* за 1997 год: "Из наблюдений об опытах «ретроградного анализа» и «загадках перекрестных слов» Владимира Набокова" (*НЛО*, 23, 436–440); "Постскриптум к «загадкам перекрестных слов»" (*НЛО*, 25, 446–448).